

Снег валил стеной, не прекращаясь ни на миг. Ин Цинъян прикинул, что это, пожалуй, его последнее в нынешнем году посещение могил.

Прежде чем отправиться к своему тайному убежищу, он обернулся и бросил прощальный взгляд на заснеженное кладбище.

Не будь они связаны с павшей императорской династией, эти люди могли бы открыто жить под солнцем, а после смерти вернуться в родные края, чтобы близкие чтить их память и приносили дары на могилы. Но вместо этого они встретили смерть в глухих горах, полные горькой обиды, и обрели вечный покой там, где их никто никогда не найдет.

Ин Цинъян поднимался по узкой, петляющей тропинке. Он мастерски определял опасные участки, где в любой момент мог сойти оползень, и осторожно обходил их стороной — повадками юноша уже ничуть не уступал бывалому таёжнику. Пожалуй, даже самые опытные охотники из окрестностей горы Цюн не всегда могли похвастаться такой сноровкой.

Чем дальше он углублялся в чащу, тем выше становились деревья. Могучие столетние стволы выстроились неровными рядами, переплетаясь узловатыми корнями и раскинув тяжелые ветви. Время от времени тишину спящего леса нарушал глухой стук — это с вершин срывались и падали в сугробы тяжелые пласты снега. В глухомани все деревья казались на одно лицо, и даже знаток этих мест мог запросто здесь заплутать.

Ин Цинъян предусмотрительно оставил на стволах зарубки, по которым и прокладывал дорогу. Впрочем, его тайное прибежище трудно было с чем-то перепутать. Еще издали сквозь пелену снегопада проступали очертания весьма причудливой конструкции.

Между исполинскими деревьями покачивалась гигантская сеть, сплетенная из толстых пеньковых веревок. Ее углы крепились к стволам мертвыми узлами в несколько оборотов. Веревоочные ярусы громоздились один над другим — от самой верхотуры, куда только мог дотянуться человек, и почти до самой земли, не доходя до нее всего на полфута. Около двух десятков таких сетей расходились в стороны подобно лепесткам диковинного цветка. Зрелище было поистине поразительным.

Лишь подойдя вплотную, он заметил, что это место находится у самого подножия соседней горы. С ее обратной стороны змейкой вилась каменистая тропа, которая на самой вершине резко обрывалась. Срез скалы был настолько ровным и отвесным, словно его рассекли исполинским мечом.

Многоярусные сети под кручей служили своеобразной подушкой безопасности. Ин Цинъян потратил прорву времени и почти все свои сбережения, чтобы соорудить эти ловушки. И это место не было единственным — вдоль обрыва он обустроил еще с десятков подобных точек.

Ловко взобравшись на раскидистую сосну, Ин Цинъян окинул взглядом натянутые веревки. Сети не провисали, а значит, за последнее время в них никто не угодил.

— И сегодня пусто... — разочарованно пробормотал он под нос.

Ин Цинъян занимался этой кропотливой работой не праздного любопытства ради. Черная Тень — хромой жеребец, которого юноша покормил перед уходом в горы, — был его главной находкой, обнаруженной именно здесь.

Черная Тень когда-то нес службу в кавалерии. Когда Ин Цинъян наткнулся на коня, на том еще красовалось добротное седло, а кованые подковы выдавали руку мастера. Статный, поджарый — такого скакуна ни за что не вырастили бы на захудалом деревенском пастбище.

Подобным элитным скакунам ходу в конюшни простых мирян не было. В Великой Лян за этим следили со всей строгостью: власти не могли допустить, чтобы ушлые вельможи заводили личные армии и вновь ввергли империю в пучину междоусобиц.

Возможно, дело было в Сверх-императоре. В свое время он сам поднял мятеж в Северных землях и прекрасно помнил, на что способна яростная степная конница. Создав собственную непобедимую гвардию, правитель больше всего на свете боялся, что кто-то решит повторить его успех. Ин Цинъян сразу смекнул: Черная Тень отбился от казенного обоза.

Цюнчжоу испокон веков считался суровым, негостеприимным краем, а уж у рубежей нравы царили и вовсе дикие. В лесах горы Цюн то и дело промышляли разбойники, которые в порыве дерзости ухитрялись грабить даже армейские повозки с провиантом. Должно быть, на отряд напали, и напуганный конь в суматохе сбежал. Лошади часто уносят ноги во время боя, но обычно всадники возвращают их особым свистом. С Черной Тенью этого не случилось. Ин Цинъян подозревал, что прежний хозяин скакуна остался лежать мертвым на поле боя.

Отбившись от своих, бедолага забрел в глубь леса, долго плутал и в конце концов оступился на самом краю обрыва. Коня спасло лишь чудо и крепкое сложение. Все произошло летом, и вековые деревья с их густыми раскидистыми кронами смягчили падение. Когда жеребец рухнул на землю, он был изранен, но все еще дышал.

Ин Цинъян перечитал кучу книг по ветеринарному делу, однако на практике лечить животных ему не приходилось. Он наспех перевязал раны коня и с трудом оттащил его вниз, мысленно уже прощаясь с благородным животным. К его изумлению, жеребец проявил поразительную волю к жизни. Через несколько дней ухода конь пошел на поправку, но переломанная задняя нога срослась неправильно — время для бережного вправления кости было упущено, и Черная Тень остался хромым.

Ин Цинъян души не чаял в конях. Особую слабость он питал к боевым скакунам — статным, величавым и полным благородства. Конечно, столь трепетное отношение к простым животным могло показаться чудачеством, но юноша и впрямь любил их до беспамятства.

Случай с Черной Тенью не давал ему покоя.

«А что, если история повторится?» — думал он.

Именно поэтому Ин Цинъян принялся сооружать свои ловушки: натягивал веревки слой за слоем, устилая каждый ярус сухой листвой и прелой травой. Разумеется, затея казалась безумной, но он упрямо гнул свою линию. В конце концов, удача улыбается подготовленным, а судьба преподносит подарки в самый неожиданный момент.

Казалось бы, из-за нынешних лютых морозов и обледенелых дорог повозки должны были биться чаще, а кони — пугаться и разбегаться в панике, но горы по-прежнему хранили молчание.

— Очень жаль, — вздохнул юноша, спрыгнув на землю.

Он обошел все свои спасательные сооружения — ни одна нить не была натянута сильнее обычного.

Ин Цинъян решил оставить бесплодные надежды и попытать счастья на поляне, где не так давно выследил оленя. Он стряхнул налипший на рукава снег и уже развернулся, чтобы уйти, как вдруг откуда-то сверху донесся резкий, чужеродный звук. Сорвавшись с обрыва, вниз полетели огромные снежные комья, а следом раздался свист рассекаемого воздуха.

Вскинув голову, он увидел, как в чистом небе стремительно растет темная точка. Мелькнул подол белых одежд. Лишь когда падающее тело с глухим ударом врезалось в верхнюю сеть, Ин Цинъян оцепенел.

Это был человек! Настоящий человек в порванном лунно-белом халате, с разметавшимися длинными волосами. Он падал камнем — безвольно, словно тряпичная кукла, не делая ни малейшей попытки спастись.

В следующее мгновение незнакомец с треском прорвал первую сеть и полетел дальше. Под тяжестью человеческого тела веревки лопались одна за другой, с мясом вырывая узлы из коры. Скорость падения была бешеной; вокруг закружился плотный вихрь из снежной пыли и сухих листьев. Ин Цинъян затаил дыхание, не в силах шевельнуться.

Белая круговерть слепила глаза, мир вокруг на секунду превратился в сплошное марево. С глухим, тяжелым звуком тело наконец распласталось на последнем уцелевшем ярусе у самой земли. Поднявшийся порыв ветра швырнул Ин Цинъяну в лицо горсть ледяного крошева и растрепал волосы на лбу. Юноша, позабыв об осторожности, рванулся вперед и замер над упавшим.

Человек лежал среди веревочных петель. Лунно-белые одежды запятнала грязь, черные пряди

разметались по снегу. Лицо незнакомца отливало мертвенной бледностью, а левая голень была неестественно вывернута. Распахнутый ворот обнажал грудь; на шее, возле самого кадыка, темнела глубокая ссадина от ветки. Лоб с левой стороны превратился в кровавое месиво. Тонкая струйка багровой крови медленно ползла по виску к щеке, подчеркивая утонченные, словно высеченные из нефрита черты лица. В его облике, застывшем на пороге небытия, сквозило какое-то пугающее, почти кошунственное изящество.

В груди Ин Цинъяна глухо, с перебоями застучало сердце.

Казалось, сам небожитель разгневал богов и был низвергнут на землю, сокрушив хрупкие человеческие сны.

Примерно полдня назад Цзян Чжэньюй в одиночку въехал в ущелья горы Цюн.

Сам он не был местным. Он родился в цветущем Цзяннани, вырос в шумной императорской столице, и эти суровые северные окраины казались чуждыми его утонченной натуре, споря со всем его существом. Но в день, когда вражеские войска проломили ворота столицы, судьба улыбнулась лишь ему одному. Дядя, командовавший гарнизоном в Цюнчжоу, сумел вывезти племянника из пылающего города. Все, что случилось потом, до мельчайших подробностей расписано в династических хрониках.

Цзян Чжэньюй не любил беречь прошлое, хотя те события и отняли у него без малого половину жизни. Историю пишут победители, и именно он держал в руках каллиграфическую кисть. Стоило его экипажу пересечь границу столичного округа, как он велел Главе Срединного секретариата занести его собственный финал в Императорские хроники жизни и покоя, пока те еще не были запечатаны.

Императорский выезд, увозивший Сверх-императора, растворился в бескрайней снежной дали северных гор. Жив он остался или мертв — никого более не волновало.

Да и нынешний его облик едва ли напоминал о былом величии властителя империи. Растрепанный, израненный, с глубоким следом от стрелы в плече. Белый парчовый халат пропитался кровью; чувствуя, как липкая влага неприятно холодит кожу, он попросту развязал пояс и сбросил дорогую ткань в сугроб у обочины.

Тонкое исподнее не спасало от ледяного ветра, мороз мгновенно добрался до костей. Впрочем, яд, со стрелой проникший в кровь, притупил чувства, лишив его возможности ощущать стужу. Ветер доносил слабый запах свежей крови. Там, позади, на крутой горной тропе, остались лежать мертвые тела преследователей — небольшого отряда подосланных убийц.

Свист стрел напугал коня, заставив того сбросить седока. Отобранный в бою тяжелый клинок Цзян Чжэньюй швырнул под ноги — теперь, лишившись скакуна и угасая от растекающегося

по жилам яда, он едва ли мог надеяться выбраться из этих дебрей. И все же жажда жизни — упрямое чувство. Цзян Чжэньюй не был исключением.

Убийцы, присланные из столицы, оказались не так опасны, как он ожидал — им было далеко до выучки бойцов Гвардии Перьевого Леса. Все шло в строгом соответствии с его планом. Но даже это осознание не принесло ему облегчения.

Сверившись с местностью, он выбрал направление. Если память, не изменявшая ему до сих пор, не подводила, с этой кручи должна была открываться панорама на казенный тракт и лежащее в отдалении поселение Цюншань. Но пройти далеко по колено в снегу ему не удалось. Вскоре перед глазами все поплыло — яд подбирался к сердцу.

Тем не менее он упрямо брел вперед, со странной, почти беззаботной легкостью. Давно ему не доводилось оставаться наедине со своими мыслями, свободным от бремени государственных забот. Перед отъездом из столицы двое единственных, кто знал о его плане, выразили решительный протест. Фухай даже на коленях простоял в снегу, пока его руки не покрылись обморожениями, умоляя его изменить решение.

Императорам не подобает рисковать собой ради призрачных целей.

«Но к чему все это?» — думал тогда Цзян Чжэньюй.

В подлунном мире нет незаменимых людей. Владыки и полководцы, знатные вельможи и нищие крестьяне — все они лишь мелкие песчинки, влекомые бурным потоком времени. И он никогда не мнил себя исключением из правил.

Цзян Чжэньюй брел наобум. Окружающие силуэты слились в неразличимые серые пятна. Отрава туманила разум. В мыслях мешалось все подряд: заговоры при дворе, бушующая в провинциях метель, гневные выкрики советников, требовавших немедленных решений...

Через какое-то время до него донесся нарастающий гул ветра. Нога скользнула по обледеневшей кромке, и он сорвался в бездну, точно порвавшийся бумажный змей.

Но вечный покой, к которому он так стремился, не наступил. Вместо этого его тело пронзила нестерпимая, разрывающая на части боль, словно его нещадно хлестали плетью. Сильный удар головой лишил его возможности соображать, и сознание милосердно угасло.

Перед тем как окончательно провалиться во тьму, он расслышал торопливые шаги и чей-то встревоженный голос:

— Эй! Очнись! Слышишь меня? Не засыпай!

Подчинившись слепому импульсу, Цзян Чжэньюй из последних сил попытался оттолкнуть

коснувшиеся его пальцы.

«Дерзость...»

<http://bllate.org/book/19722/1950897>